

**Конвенция о ликвидации
всех форм дискриминации
в отношении женщин**

Distr.: General
3 April 2020
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**

**Решение по сообщению № 111/2017, принятое Комитетом
в соответствии с подпунктом 1 статьи 4 Факультативного
протокола^{*,**}**

Сообщение представлено: Р.Р. и М.Р. (представлены адвокатом, Кевят Ноусийнен, Мерей Пентикяйнен, Марьо Ранталой)

Предполагаемые жертвы: М.М., К.М. и С.М. (умерли)

Государство-участник: Финляндия

Дата сообщения: 23 декабря 2016 года (первоначальное представление)

Справочная информация: препровождена государству-участнику 26 января 2017 года (в виде документа не издавалась)

Дата принятия мнений: 17 февраля 2020 года

* Принято Комитетом на его семьдесят пятой сессии (10–28 февраля 2020 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Гладис Акоста Варгас, Хироко Акидзуки, Гуннар Бергбю, Марион Бетел, Эстер Эгобамьен-Мшелия, Наила Мохамед Габр, Хилари Гбедема, Нахла Хайдар, Даля Лейнарте, Росарио Г. Манало, Лия Надарая, Аруна Деви Нараин, Бандана Рана, Рода Реддок, Вэньянь Сун, Франселин Тоэ-Буда и Айша Валль Вергес.

Историческая справка

1. Авторы¹ — Р.Р. и М.Р., граждане Финляндии. Они представляют свою жалобу от имени их дочери М.М., гражданки Финляндии 1967 года рождения, и ее дочерей К.М. и С.М., гражданок Финляндии 2003 и 2006 года рождения, соответственно; все они умерли в 2011 году. Они утверждают, что Финляндия нарушила права предполагаемых жертв в соответствии со статьями 1, 2 а-г), 3, 5 и 16 1) Конвенции. Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу для Финляндии соответственно 4 октября 1986 года и 29 марта 2001 года. Авторы представлены адвокатом, Кевят Ноусиайнен, Мерей Пентикяйнен, Марьо Ранталой.

Факты в изложении авторов

2.1 М.М. подвергалась насилию со стороны своего мужа Й.М., который также жестоко обращался с их дочерьми. Он убил их всех 21 декабря 2011 года. На тот момент дочерям было восемь и пять лет.

2.2 У М.М. диагностировали синдром Ди Джорджи. Она познакомилась с Й.М. в центре для лиц с нарушениями интеллекта в Вантаа в конце 1990-х годов, и они поженились. У Й.М. был церебральный паралич, и он получал поддержку со стороны муниципальных служб по уходу за лицами с интеллектуальной инвалидностью. Он перестал получать эту помощь после того, как его мать умерла в 1998 году. И М.М., и Й.М. получили социальную поддержку. Город Вантаа обеспечил М.М. реабилитационной работой, и она работала до 2002 года, пока не забеременела.

2.3 После рождения К.М. в 2003 году М.М. и Й.М. были предложены услуги по оказанию помощи семье, но Й.М. от них отказался². В период с 2003 по 2011 год было представлено семь уведомлений о благополучии ребенка, последнее из которых было зарегистрировано за два месяца до смерти К.М. Они касались отсутствия заботы, пренебрежения ее повседневными потребностями, неспособности ее родителей заботиться о ней и, в конечном счете, подозрений в сексуальном надругательстве, совершенном ее отцом. К.М. посещала муниципальный детский сад и в 2009 году начала обучение в школе.

2.4 С.М. родилась в 2006 году³. У нее диагностировали синдром Ди Джорджи, и после рождения она более года находилась в больнице с саркомой⁴. В августе 2010 года, против желания родителей, она начала посещать муниципальный детский сад со специальной поддержкой. В период с 15 июня 2007 года по 11 октября 2011 года было подано пять уведомлений о благополучии ребенка, касающихся С.М.

2.5 Служба защиты детей не проверяла обстановку в их семье до осени 2011 года, когда М.М., при поддержке ее матери, отправилась в приют вместе с К.М. и С.М. Расследование показало, что сотрудники детского сада, который посещала С.М., заметили, что М.М., К.М. и С.М. боятся Й.М., а также то, что она постоянно спрашивала у него разрешения. Однажды у С.М. был синяк на щеке и, когда ее спросили, она ответила, что отец ударил ее. Хотя сотрудники и были обеспокоены положением в семье, они не сообщили об этом ни в службу защиты

¹ Что касается авторства сообщения и вопроса о правовом статусе, см. также пункты 6.1, 7.1 и 8.2.

² Дата не указана.

³ Дата не указана.

⁴ Рак соединительной ткани.

детей, ни в полицию. Сотрудники также заявили, что, когда С.М. посещала детский сад, они держали двери закрытыми из страха перед Й.М.

2.6 Персонал больницы, в которой лечилась С.М., также выразил обеспокоенность сотрудникам службы защиты детей. Эти сотрудники считали, что Й.М. контролировал М.М. Когда они посетили семью, говорил именно Й.М., а М.М. просила разрешения говорить. По словам психолога, М.М. была не в состоянии определить, какие действия были в ее интересах, и зависела от мужа.

2.7 Ни одно из замечаний различных должностных лиц за эти годы не привело к полицейскому расследованию или оценке риска ситуации для М.М., К.М. и С.М.

2.8 18 сентября 2011 года М.М., К.М. и С.М. прибыли в приют. В тот же день было подано уведомление о благополучии ребенка. Мать М.М. позвонила в Ван-тааский социально-кризисный центр, заявив, что К.М. подверглась сексуальному насилию со стороны своего отца. Центр также представил уведомление о благополучии ребенка. 27 сентября 2011 года служба защиты детей обратилась с просьбой о проведении полицейского расследования в связи с сообщениями о сексуальных надругательствах.

2.9 М.М. сказала персоналу приюта, что она боится Й.М. После нескольких недель в приюте М.М. стала более независимой и подала заявление о разводе.

2.10 В сентябре 2011 года состоялось первое совещание социальных служб, посвященное вопросам этой семьи. Два сотрудника приюта, один сотрудник службы защиты детей, а также М.М. и ее родители, Р.Р. и М.Р., пришли к выводу, что, в свете подозрения в сексуальном надругательстве, Й.М. не должен иметь никаких контактов по телефону со своими дочерьми. М.М. сообщили, что Й.М. не должен общаться с девочками. 5 октября 2011 года М.М. сообщила полиции о психологическом насилии, которому она подвергалась в течение многих лет, и утверждала, что Й.М. неподобающим образом трогал ее и их дочерей.

2.11 Й.М. настойчиво названивал М.М. в приют, и эти звонки ее расстраивали. Они встречались по крайней мере один раз в октябре 2011 года. Работники приюта не раз видели, как К.М. разговаривала с Й.М. по телефону и плакала.

2.12 11 октября 2011 года состоялось второе совещание социальных служб. Их сотрудники заявили, что М.М. не могла гарантировать безопасность дочерей, поскольку Й.М. ее контролировал. Было найдено экстренное внедомашнее размещение для девочек. Права Й.М. на посещение были ограничены. К концу ноября 2011 года М.М. хотела отозвать свои показания против Й.М. Его права на посещение были восстановлены, но посещения были под надзором. Полицейское расследование предполагаемого сексуального насилия в прокуратуру передано не было.

2.13 20 декабря 2011 года два сотрудника службы защиты детей встретились с М.М. и Й.М. в их доме. На встрече присутствовала также сестра Й.М. Сотрудники сообщили им, что было принято решение о том, что М.М. и Й.М. могут встречаться со своими дочерьми только в присутствии третьей стороны. Третьей стороной была назначена сестра Й.М. Девочки должны были провести Рождество с сестрой Й.М., и там их могли навестить их родители. Й.М. был также проинформирован о том, что пособие на ребенка, обычно выплачиваемое родителям, отныне будет выплачиваться в приемный дом.

2.14 В полдень 21 декабря 2011 года девочки в сопровождении двух сотрудников службы защиты детей прибыли в дом родителей для двухчасового визита. Й.М. и М.М. сказали этим сотрудникам, что они могут проводить девочек в машину, так как они тоже выходят на улицу. Сотрудники вышли на улицу, но

решили подождать, и, через некоторое время, одна из них постучалась, но никто не ответил. По телефону Й.М. сказал ей немного подождать. Далее сотрудники услышали крик. В 15 ч 01 мин сотрудники вызвали полицию; в 15 ч 31 мин прибыл полицейский патруль. Полиция обнаружила зарезанных в ванной М.М., К.М. и С.М., а также Й.М., который нанес себе ранения.

2.15 20 июля 2012 года Вантааский окружной суд признал Й.М. ограниченно вменяемым и осудил его за убийство М.М., К.М. и С.М. Решение обжаловано не было. В мае 2014 года он был убит в тюрьме двумя заключенными.

Жалоба

3.1 Авторы заявляют, что в данном случае отсутствовали применимые внутренние средства правовой защиты, которые могли бы эффективно предотвратить нарушения прав жертв, и что, даже если бы таковые средства имелись, жертвы не могли бы ими воспользоваться самостоятельно. С момента рождения К.М. в 2003 году до сентября 2011 года, когда М.М. обратилась за помощью в приют, в органы опеки и попечительства был направлен ряд уведомлений. Власти не приняли во внимание уязвимое положение М.М. и не предоставили ей услуги по поддержке, в которых она нуждалась для того, чтобы действовать. В их полномочия входило использование различных защитных мер, но они этого не сделали.

3.2 Авторы утверждают, что в отношении жертв было совершено гендерное насилие. Они подвергались жестокому обращению и насилию, в том числе с нанесением физического, психологического и сексуального вреда, угрозам и принуждению. Государство-участник не смогло обеспечить им эффективную защиту. Властям было известно о тяжелых условиях, в которых находилась семья в течение многих лет. На протяжении многих лет семья неоднократно контактировала с муниципальной службой по уходу за инвалидами, государственными органами здравоохранения, муниципальными служащими, занимающимися вопросами социального обеспечения и защиты детей, а также с персоналом государственного детского сада. Персонал этих органов замечал агрессивное и контролирующее поведение Й.М. Было или должно было быть очевидно, что Й.М. применял психологическое и физическое насилие и даже, как утверждается, сексуальное насилие в отношении своей жены и дочерей. Известно, что он угрожал М.М. убить их дочерей. Несмотря на это, власти не оказали им никакой помощи, не было принято никаких конкретных или эффективных мер по их защите. Власти не обратили внимания на особую уязвимость семьи и не потребовали судебного защитного предписания в отношении Й.М., которое могло бы быть вынесено в соответствии с Законом о судебных защитных предписаниях в целях защиты М.М., К.М. и С.М. Кульминацией их халатного бездействия стала смерть М.М., К.М. и С.М. в декабре 2011 года. Эти многочисленные упущения со стороны властей равносильны нарушению прав жертв в соответствии со статьями 1–3 Конвенции. Авторы также утверждают, что, в нарушение статьи 2 Конвенции, государство-участник не обеспечило эффективность прав, закрепленных в Конвенции, в национальном законодательстве.

3.3 Авторы утверждают, что права М.М., предусмотренные пунктом 1 статьи 16, были нарушены, поскольку власти сочли, что Й.М. действовал от имени М.М. в вопросах, касающихся всей семьи. Власти знали о строгом контроле, осуществляемом Й.М. над своей семьей. Тем не менее, они удовлетворились его неоднократными отказами от помощи. М.М. не могла пользоваться своими равными правами и обязанностями в качестве супруги и родительницы. Ее признали ответственной за то, что не смогла защитить своих детей от их отца, и дети были переданы под опеку в ущерб ее родительским правам.

3.4 Авторы утверждают, что данное дело свидетельствует о бездействии государства-участника в соответствии со статьей 5 Конвенции. Бездействие властей свидетельствует о проблематичных взглядах на гендерные вопросы и недостаточном понимании гендерного насилия. Такое насилие рассматривается как социальная, медицинская или бытовая проблема, а не как серьезная проблема в области прав человека, связанная с отсутствием защиты от насилия, совершаемого частными лицами, и отсутствием всеобъемлющей модели для решения проблемы гендерного насилия.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В вербальной ноте от 27 марта 2017 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения. В качестве предварительного возражения государство-участник отмечает, что в соответствии с «доверенностью», которое Р.Р. и М.Р. подписали 30 ноября 2016 года, они уполномочили Кевят Ноусиайнен, Мерью Пентикяйнен, Марью Ранталу представить Комитету индивидуальное сообщение от их имени. Р.Р. и М.Р. являются биологическими родителями М.М. и бабушкой и дедушкой К.М. и С.М. Общественного опекуна М.М. назначено не было. Государство-участник отмечает, что Комитет не указал, какие лица должны рассматриваться в качестве авторов сообщения.

4.2 Что касается фактов, то 21 декабря 2011 года Й.М. убил свою жену М.М. и своих дочерей К.М. и С.М. 30 мая 2012 года государственный прокурор предъявил Й.М. обвинение в убийстве. 20 июля 2012 года окружной суд осудил Й.М. по трем обвинениям в убийстве, совершенном при ограниченной вменяемости, и приговорил его к 14 годам лишения свободы. Й.М. было приказано выплатить Р.Р., М.Р. и П.Р. (брату М.М.) 24 000 евро в качестве денежной компенсации за страдания и понесенные издержки. Й.М. умер в тюрьме в мае 2014 года.

4.3 Неясно, является ли сообщение действительным осуществлением права на подачу петиций в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола. Р.Р. и М.Р. не были опекунами или законными представителями М.М., К.М. или С.М. внутри страны. Большинство предполагаемых нарушений касаются только М.М., и невозможно оценить, дала бы ли она согласие на представление сообщения.

4.4 В соответствии с пунктами 2 и 3 правила 68 правил процедуры Комитета «в тех случаях, когда автор может обосновать такие действия, сообщения могут направляться от имени предполагаемой жертвы без ее согласия» и «когда автор намерен направить сообщение в соответствии с пунктом 2 настоящего правила, она или он представляет письменное обоснование таких действий»⁵. Р.Р. и М.Р. не объяснили причины представления сообщения от имени М.М., К.М. и С.М. Они не возбуждали никаких процессуальных действий по существу сообщения в национальных органах власти и судах после вынесения 20 июля 2012 года окончательного решения по делу против Й.М. И только 30 ноября 2016 года, более чем через четыре года, они подписали «доверенность». Государство-участник подчеркивает важность разумных процедурных требований, таких как скорейшее представление сообщений. Только по этим причинам Комитет уже должен объявить это сообщение неприемлемым.

⁵ В случаях, когда предполагаемое нарушение Европейской конвенции о правах человека не было тесно связано со смертью или исчезновением непосредственной жертвы, Европейский суд по правам человека, как правило, отказывался предоставить право на иск любому другому лицу, если только это лицо не могло в исключительных случаях продемонстрировать свою собственную заинтересованность. См. *Nassau Verzekering Maatschappij N.V. v. the Netherlands* (application No. 57602/09), decision of 4 October 2011, para. 20.

4.5 Р.Р. и М.Р. сами по себе не являются жертвами какого-либо нарушения Конвенции. Однако, судя по всему, что они считают себя авторами в этом сообщении. Они участвовали в качестве потерпевших сторон во внутреннем разбирательстве, которое завершилось 20 июля 2012 года, но не обжаловали решение окружного суда ни в Апелляционном суде, ни в Верховном суде. Таким образом, сообщение несовместимо с положениями Конвенции в связи с персональным иммунитетом и является неприемлемым.

4.6 На рассмотрение Комитета было представлено несколько новых утверждений, однако в сообщении не были указаны исчерпанные внутренние средства правовой защиты. Государство-участник отмечает, что в сообщении делается ссылка на статьи 1, 2 а-г), 3, 5 и 16 1) Конвенции, однако ни одно из этих положений никогда не применялось в национальных судах. Таким образом, сообщение следует признать неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты.

4.7 М.М. не возбуждала никаких процессуальных действий в отношении существа сообщения и не ссыалась ни на одну из статей Конвенции в национальных судах или других органах власти. Европейский суд по правам человека отметил, что «норма об исчерпании внутренних средств правовой защиты... обязывает тех, кто пытается возбудить дело против государства в международном судебном или арбитражном органе, в первую очередь использовать средства правовой защиты, предусмотренные национальной правовой системой. Следовательно, государства освобождаются от обязанности отвечать в международном органе за свои действия прежде, чем у них появится возможность разрешить возникшие противоречия в рамках своей собственной правовой системы»⁶. В функции Комитета не входит работа в качестве суда первой инстанции. После событий 21 декабря 2011 года ни одно лицо, упомянутое в сообщении, не использовало ни одной из возможностей, предусмотренных национальным законодательством.

4.8 Государство-участник подтверждает, что «каждый, кто пострадал от нарушения его прав или понес убытки в результате незаконного действия или бездействия государственного служащего или другого лица, выполняющего государственную функцию, имеет право требовать, чтобы государственный служащий или другое лицо, выполняющее государственную функцию, было приговорено к наказанию и чтобы государственная организация, должностное лицо или другое лицо, выполняющее государственную функцию, было привлечено к ответственности за ущерб, как это законодательно предусмотрено»⁷. Кроме того, государство-участник подробно разъясняет роль Омбудсмана и порядок работы его учреждения⁸. Оно также утверждает, что за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей должностное лицо приговаривается к штрафу или лишению свободы на срок до одного года, а за халатность, проявленную при исполнении служебных обязанностей — к замечанию или штрафу⁹. Государство-участник утверждает, что 21 декабря 2011 года в отношении присутствовавших социальных работников не было составлено никаких протоколов об административном правонарушении, однако они были опрошены в качестве свидетелей в ходе досудебного расследования. Кроме того, существует

⁶ См., например, *Akdivar and others v. Turkey* (application No. 21893/93), judgment of 16 September 1996, para. 65.

⁷ Конституция Финляндии, глава 10, раздел 118.

⁸ Там же, глава 10, секция 109; и Парламентский закон об омбудсмене (197/2002), разделы 2, 3, 8 и 11.

⁹ Уголовный кодекс (39/1889) с поправками, внесенными на основании статей 9 и 10 главы 40 Закона 604/2002.

возможность подать административную жалобу¹⁰ или жалобу на действия органов социального обеспечения в Областное государственное административное агентство¹¹. Следовательно, все внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, как того требуется в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола.

4.9 Государство-участник напоминает, что у Р.Р. и М.Р. была возможность обратиться в суд и что их требования о компенсации были тщательно рассмотрены окружным судом. Они не подавали апелляции ни в Апелляционный суд, ни в Верховный суд. Их требование о компенсации в Комитете должно быть отклонено на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.10 Окружной суд в своем решении отметил, что ему был представлен существенный отчет о семье до трагических событий 21 декабря 2011 года, однако этот отчет, который был составлен с разных точек зрения, не имеет непосредственной связи с событиями 21 декабря. Так, Суд не счел напрямую связанным с убийствами тот факт, что, по мнению некоторых свидетелей, Й.М. негативно реагировал на все предложения об оказании внешней помощи семье или вмешательстве в ее дела. Решение не было обжаловано и, таким образом, стало окончательным. Таким образом, вопрос был решен внутри страны.

4.11 Что касается утверждений авторов, касающихся гендерного насилия и его последствий в целом и для М.М. в частности, а также неспособности государства-участника выявить случаи насилия в отношении женщин и насилия в семье, то государство-участник напоминает, что эти утверждения не были представлены в национальных судах и, как представляется, носят в основном общий характер и не имеют отношения к фактам, касающимся конкретного дела М.М., К.М. и С.М. Они основаны только на решении окружного суда от 20 июля 2012 года и докладе о досудебном расследовании. О намерении исследовательниц (Кевят Ноусиайнен, Мерья Пентикяйнен и Марьо Рантала) найти дело и представить сообщение Комитету и, таким образом, о том, что это сообщение представлено как «народная жалоба», свидетельствует встреча, состоявшаяся 1 декабря 2016 года, на которой обсуждались детали этого сообщения и статья, касающаяся этого сообщения¹². Государство-участник делает вывод о том, что это сообщение явно беспочвенно или недостаточно обосновано, в соответствии со смыслом пункта 2 с) статьи 4 Факультативного протокола, и поэтому должно быть признано неприемлемым в соответствии со статьей 4 Факультативного протокола.

Замечания государства-участника по существу сообщения

5.1 В вербальной ноте от 26 июля 2017 года государство-участник представило свои замечания по существу сообщения.

5.2 Государство-участник утверждает, что цель механизма подачи индивидуальных жалоб не может состоять в том, чтобы спустя много лет после смерти лиц, причастных к существу дела, любые другие лица на основании ограниченного материала, к которому они имеют доступ, могли представить утверждения, касающиеся частной жизни покойного. Государство-участник вновь подчеркивает то, что сообщение представлено как «народная жалоба».

¹⁰ Закон об административной процедуре (434/2003), часть I, глава 8а, статья 53а.

¹¹ Закон об органах местного самоуправления (410/2015), часть I, глава 3, статья 10 2); и Закон о Национальном институте здравоохранения и социального обеспечения (668/2008), раздел 2.

¹² Опубликовано в октябрьском номере финского журнала “Image” за 2017 год (9/2017).

5.3 Государство-участник вновь заявляет, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, как того требует статья 4 Факультативного протокола, и что сообщение является неприемлемым по этим основаниям, помимо того, что оно явно беспочвенно или недостаточно обосновано по смыслу подпункта 2 с) статьи 4 Факультативного протокола.

5.4 Что касается существа сообщения, то государство-участник подчеркивает, что оно не принимает ни одно из утверждений, представленных в сообщении.

5.5 Государство-участник отмечает, что на некоторые официальные документы распространяются положения о конфиденциальности¹³. Сообщение включает в себя конфиденциальную информацию, касающуюся нескольких лиц, которая должна храниться в тайне в течение 50 лет после смерти лица, к которому относится соответствующий документ (информация о клиентах системы социального обеспечения, включая меры поддержки и получаемые ими услуги по социальному обеспечению, а также информация о состоянии их здоровья или наличии инвалидности и медицинском обслуживании или лечении, которое они получили). По этой причине ни исследовательницы, ни Р.Р., ни М.Р. не имели доступа к этой информации при представлении сообщения, и, насколько понимает государство-участник, они не имели права доступа к ней.

5.6 Истец или другое лицо, чье право, интерес или обязательство касается рассматриваемого вопроса, может иметь доступ, предоставленный органом, рассматривающим этот вопрос, к документам, которые не являются общедоступными, если они могут повлиять на рассмотрение вопроса. Однако ни исследовательницы, ни Р.Р., ни М.Р. не имеют статуса стороны, поскольку они не использовали имеющиеся внутренние средства правовой защиты для рассмотрения существа сообщения. Законы о социальном обеспечении и о здравоохранении государства-участника также защищают частную жизнь умерших лиц. Государство-участник не может предоставить исследовательницам или Р.Р. и М.Р. доступ к информации о социальном или санитарно-медицинском обеспечении, касающейся М.М., К.М. и С.М. Государство-участник не может занимать позицию в отношении получаемых ими услуг или мер поддержки, состояния их здоровья или наличия инвалидности, а также в отношении индивидуальных мер, принимаемых органами социального обеспечения и здравоохранения, поскольку они остаются конфиденциальными. Кроме того, ни один национальный суд не анализировал эти меры. 20 июля 2012 года окружной суд удовлетворил просьбу прокурора и потерпевших о сохранении в тайне документов судебного разбирательства в течение 60 лет, поскольку они касались информации о частной жизни семьи, а также вопросов здоровья, инвалидности или социального обеспечения.

5.7 В контексте сообщения, несмотря на решения Суда о тайне, исследовательницы приняли участие в мероприятиях неправительственных организаций и дали интервью. Они опирались только на досудебный доклад и на решение окружного суда, в то время как государство-участник имело доступ ко всей документации. Государство-участник делает вывод о том, что исследовательницы основывали свои утверждения на ограниченной документации и что их толкование было предвзятым.

5.8 Государство-участник утверждает, что обвинения, представленные в сообщении, носят общий, расплывчатый, необоснованный характер и не отражают конкретной ситуации М.М., К.М. и С.М. Эти обвинения основаны на ограниченной документации и, таким образом, представляют собой всего лишь предположения. Утверждения о том, что М.М., К.М. и С.М. «были жертвами гендерного

¹³ В соответствии с Законом об открытости деятельности правительства (621/1999), глава 6, статья 24, подраздел 1, пункт 25.

насилия в отношении женщин и что они подвергались жестокому обращению и насилию, в том числе с нанесением физического, психического и сексуального вреда», являются необоснованными.

5.9 Государство-участник напоминает, что до своей смерти М.М. не возбуждала никаких исков по существу сообщения и не ссылалась ни на одно из положений Конвенции внутри страны. Ни Конвенция, ни Факультативный протокол не содержат положений о денежной компенсации, как того требуют авторы. Государство-участник поясняет, что существует всеобъемлющая сеть общественных учреждений по оказанию юридической помощи, гарантирующая право на представительство адвокатом лицам с низким или средним уровнем доходов, и это частично или полностью оплачивается из государственных средств.

5.10 Различные учреждения и организации, подавая пример своим коллегам, предлагают жертвам преступлений своевременную и надлежащую помощь. Например, жертвам оказывает помощь их адвокат в сотрудничестве с социальными работниками и организацией «Поддержка жертв в Финляндии». Сотрудники общественных бюро юридической помощи регулярно проходят обучение и семинары по вопросам статуса жертв и контактов с ними, налаживания контактов между местными органами власти и посредничества.

5.11 Если жертвы преступлений не могут самостоятельно управлять своими делами, для оказания им помощи, в том числе для управления их финансовыми и личными делами, может быть назначен опекун. Потерпевшие или их родственники могут обратиться в органы опеки или в суд с просьбой о назначении опекуна. Любое лицо, обеспокоенное положением жертвы, может обратиться в органы опеки по поводу этой жертвы и ее или его потребности в опеке.

5.12 Государство-участник подробно рассказывает о мерах по борьбе с насилием в отношении женщин, принятых в период с 2008 по 2016 год. Созданная при Министерстве социальных дел и здравоохранения Межотраслевая рабочая группа по предотвращению насилия в отношении сексуальных партнеров и насилия в семье подготовила план действий по сокращению масштабов насилия в отношении женщин на период 2010–2015 годов, содержащий почти 70 мер и предусматривающий отдельную борьбу с насилием в отношении женщин с инвалидностью и женщин, находящихся в уязвимом положении.

5.13 Было принято законодательство о всеобъемлющем запрете насилия в отношении женщин во всех областях общества с уделением особого внимания женщинам с инвалидностью. Закон о статусе и правах клиентов системы социального обеспечения (812/2000) предусматривает, что при оказании услуг по социальному обеспечению первоочередное внимание должно уделяться пожеланиям и мнению клиента в отношении его права на самоопределение. Услуги, предоставляемые инвалидам, являются факультативными. В данном случае органы, ответственные за благополучие детей и уход за людьми с интеллектуальной инвалидностью, пытались разными способами оказать поддержку и помощь семье, но М.М. и Й.М. отказались от какой-либо поддержки. Власти сочли, что М.М. юридически правомочна принимать решения в отношении себя и что выявленная у нее интеллектуальная инвалидность не ограничивает ее правоспособность. В приюте М.М. была предложена поддержка и помощь, с тем чтобы она могла жить самостоятельно и заботиться о своих детях. Когда она решила вернуться к Й.М., ее проконсультировали о том, как действовать в случае каких-либо проблем дома. Й.М. тоже предлагали услуги, чтобы поддержать его и благополучие всей семьи. Государство-участник сожалеет, что по соображениям конфиденциальности информация о поддержке и услугах не может быть раскрыта.

5.14 Закон об охране детства направлен на обеспечение роста и развития детей и поддержку родителей. В нем предусмотрено превалирование интересов ребенка во всех видах деятельности, связанных с благополучием и социальным обеспечением детей, и, в случае соблюдения установленных законом критериев, позволяет экстренное помещение ребенка на попечение без согласия его родителей или самого ребенка. Дети могут быть переданы на попечение в тех случаях, если их здоровье или развитие находятся под серьезной угрозой и если другие меры не могут исправить положение ребенка или если эти меры недостаточны. Экстренная опека возможна, если ребенок находится в непосредственной опасности. Государство-участник утверждает, что в данном случае было уместно и необходимо обеспечить благополучие детей. Власти обеспечили правовую безопасность родителей, консультируя их и направляя их в службы правовой помощи.

5.15 Что касается уголовного расследования, то государство-участник сообщает, что 5 октября 2011 года полиция зарегистрировала обвинение в совершении преступления, касающееся двух случаев сексуального надругательства над ребенком. М.М. дважды допрашивалась в качестве свидетеля, 5 и 17 ноября 2011 года, а Й.М. был допрошен в качестве подозреваемого 11 ноября 2011 года. Стороны и три свидетеля были опрошены по этому вопросу вскоре после того, как поступила просьба о проведении расследования. Таким образом, расследование было проведено в разумные сроки. Решающее влияние на ход расследования оказал тот факт, что истицы и их мать умерли 21 декабря 2011 года. Вопреки утверждениям авторов сообщения протокол расследования (№ 8060/R/34818/11) был передан прокурору для рассмотрения обвинений вместе с протоколом расследования (№ 8060/R/44271/11) в отношении убийства М.М., К.М. и С.М. 21 декабря 2011 года.

5.16 Задержка в 20 минут между телефонным звонком в полицию и прибытием патруля представляется разумной. Полицией было установлено, что звонок носит срочный характер, и были незамедлительно отправлены два полицейских патруля.

5.17 Что касается судебного защитного предписания, то государство-участник отмечает, что полиция на основании имеющейся информации не имела разумных оснований для наложения такого временного постановления на Й.М., и в любом случае судебное защитное предписание не имело бы существенного значения на практике, поскольку М.М. впоследствии решила вернуться к Й.М. Что касается детей, то они остались в приюте, а затем были помещены в приемный дом службой защиты детей.

5.18 Государство-участник утверждает, что оно привержено осуществлению Конвенции и что законодательство Финляндии соответствует ее требованиям. Уголовный кодекс прямо предусматривает насилие над половым партнером. Тот факт, что в данном случае судебное защитное предписание не было вынесено, не означает, что система судебных защитных предписаний не защищает никого из жертв насилия.

5.19 Государство-участник заявляет, что оно увеличило финансирование услуг по оказанию помощи жертвам. Закон о возмещении жертвам (669/2015) вступил в силу 1 декабря 2016 года. Было увеличено государственное финансирование помощи жертвам, например по новой телефонной линии помощи «Нулевая линия», предназначенной для жертв насилия в семье и насилия в отношении женщин.

Комментарии авторов сообщения к замечаниям государства-участника

6.1 16 декабря 2017 года исследовательницы подтвердили, что они являются авторами сообщения. Они объяснили, что они являются правоведами, обладающими знаниями в области прав женщин, и что Р.Р. и М.Р. являются заинтересованными сторонами, поскольку М.М. — их дочь, а К.М. и С.М. — их единственные внуки. Р.Р. и М.Р. были признаны потерпевшими в этом деле. Исследовательницы получили их согласие на возбуждение дела в качестве ближайших родственников жертв, которым эта трагическая утрата причинила страдания.

6.2 Авторы подчеркивают, что они не утверждают, что государство-участник не привлекает к ответственности и не наказывает виновных в убийствах, а указывают на непредотвращение гендерного насилия в отношении женщин и недостаточную защиту жертв такого насилия со стороны государства-участника.

6.3 Они вновь заявляют о том, что в силу положений о тайне ни одна третья сторона, включая родителей М.М. и исследовательниц, не имеет доступа к информации о мерах, принимаемых государственными должностными лицами для оценки возможных средств правовой защиты, принимаемых в период жизни жертв. В соответствии с национальным законодательством исследовательницы не имеют права на иск, а доступ Р.Р. и М.Р. к средствам правовой защиты был де-факто урезан из-за двусмысленности законодательства, касающегося обязательств властей в случаях подозрения в гендерном насилии в отношении женщин. Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты для целей приемлемости, то авторы считают уместным рассмотреть только те средства правовой защиты, которые были в их распоряжении после смерти жертв. Р.Р. и М.Р. не получили компенсацию, назначенную судом, который признал Й.М. виновным в убийствах, и должны рассматриваться в качестве заинтересованных сторон в Комитете как имеющие право на компенсацию.

6.4 Авторы утверждают, что Конституция налагает на власти обязательство активно защищать права человека. Парламентский омбудсмен следит за соблюдением законности, но не имеет полномочий обеспечивать правовую защиту жертв.

6.5 Что касается возможности возбуждения дела в соответствии с Уголовным кодексом против присутствовавших в день убийств социальных работников за неисполнение их служебных обязанностей или халатность в связи с проведением наблюдаемого визита, то авторы утверждают, что в данном случае эти положения неприменимы. Нет никаких положений или правил, регулирующих необходимые служебные обязанности, связанные с обязанностью социальных работников следить за ходом встречи родителей и их детей. Государство-участник не оспаривает утверждение авторов об отсутствии таких материальных положений и правил. Закон о равенстве между женщинами и мужчинами предусматривает компенсацию, но требовать ее может только жертва. В случае, если жертва умерла в результате гендерного насилия, Закон не применяется. Авторы подчеркивают, что в заявлении, на которое ссылается государство-участник, Омбудсмен по вопросам равенства отмечает, что он не обладает компетенцией в вопросах, касающихся гендерного насилия в отношении женщин.

6.6 Авторы утверждают, что сообщение не является явно беспочвенным или недостаточно обоснованным и оспаривают утверждение государства-участника о том, что оно является «народной жалобой», как невразумительное. Сообщение проливает свет на события, в том числе на долгосрочное насилие на гендерной почве в отношении трех жертв, которое завершилось их убийством. Таким образом, внимание Комитета обращается на структурные проблемы во внутреннем

законодательстве и применяемой практике в нарушение статей 1, 2 a-g), 3, 5 и 16 1) Конвенции.

6.7 Жертвам было отказано в доступе к правосудию. Государство-участник не оспаривает уязвимость жертв и, как представляется, соглашается с тем, что решение об экстренной опеке было основано на том факте, что М.М. считала себя непригодной для единоличной опеки над детьми. Государство-участник также не указало, что М.М. могла бы быть предложена *ex officio* юридическая помощь или оценка риска для безопасности. Она была убита во время незавершенного процесса передачи ее детей на попечение государства. Учитывая все это, авторы считают неразумным ожидать, что М.М. могла бы ссылаться на свои права и права своих дочерей на национальных или международных платформах.

6.8 Различные административные жалобы, на которые ссылается государство-участник, дают лишь формальную возможность обжаловать решение государственных органов, но не обеспечивают эффективного доступа жертв к правосудию. Дальнейшая правовая оценка представляется невозможной по причине неразглашения всей информации, касающейся решений чиновников социальных служб. Государство-участник не дает никаких объяснений по поводу отсутствия мер *ex officio*, принятых для защиты М.М., К.М. и С.М. Ни Закон о специальном уходе за лицами с интеллектуальной инвалидностью, ни Закон об услугах и помощи инвалидам не смогли гарантировать защиту М.М., К.М. и С.М.

6.9 Закон об охране детства обязывает некоторых должностных лиц уведомлять службу защиты детей в тех случаях, если ребенок нуждается в уходе. Однако Закон не требует учитывать при принятии решений семейно-бытовое насилие в отношении ребенка или родителя. То же самое относится и к Закону о социальном обеспечении. Правовые положения, которые могли бы предотвратить убийства М.М., К.М. и С.М. и защитить их от насилия, либо отсутствуют, либо игнорируются.

6.10 Авторы утверждают, что государство-участник не объясняет, почему судебное защитное предписание не было вынесено *ex officio*, поскольку нельзя было ожидать, что М.М. будет ходатайствовать о его вынесении. Положения Закона о полиции и Закона о статусе и правах клиентов системы социального обеспечения оказались бесполезными. Информация, зарегистрированная властями в отношении М.М., К.М. и С.М., не привела к каким-либо действиям. Правовые положения, касающиеся уведомлений, не содержат ясности в отношении случаев насилия в отношении женщин.

6.11 М.М. не могла ссылаться на Закон о равенстве между женщинами и мужчинами или на Закон о недискриминации, если бы государственные должностные лица подвергали ее дискриминации. Эти законы не обеспечивают никаких средств правовой защиты, и настоящее дело свидетельствует о том, что основополагающие структурные проблемы и бездействие ответственных за принятие решений лиц в государстве-участнике равносильны косвенной дискриминации в отношении женщин. Государство-участник не выполняет свои обязательства, касающиеся проявления должной осмотрительности в целях предотвращения насилия и защиты жертв гендерного насилия в отношении женщин, находящихся под его юрисдикцией.

6.12 По мнению авторов, государство-участник не смогло обеспечить защиту жертв из-за отсутствия всеобъемлющей модели предупреждения и искоренения насилия в отношении женщин, включая эффективное законодательство и практику защиты от гендерного насилия в отношении женщин, особенно в контексте

бытового насилия¹⁴. М.М. как женщине с инвалидностью требовалось уделить особое внимание, с тем чтобы гарантировать ей доступ к правосудию. Жертвы нуждаются в правовых и политических мерах реагирования, которые учитывали бы их уязвимость при интерсекциональной дискриминации.

6.13 Все эти факты основаны на открытых документах — отчете о досудебном расследовании и приговоре — и поэтому могут быть раскрыты Комитету, за исключением фамилий жертв, их родственников и преступника. На основании имеющейся информации власти не сделали всего, что можно было бы обоснованно ожидать от них, чтобы избежать реальной и непосредственной угрозы правам человека жертв. Если государство-участник считает, что конфиденциальные документы содержат информацию, которая коренным образом меняет выводы, сделанные на основе имеющейся информации, то информация, содержащаяся в этих конфиденциальных документах, должна быть раскрыта авторам на основе принципа равенства сторон.

6.14 Авторы проявляли крайнюю осторожность в своих публичных выступлениях, с тем чтобы не раскрыть конкретную информацию по данному делу и не разглашать имена жертв и другие подробности, касающиеся семьи. Мероприятия, в которых они приняли участие, были организованы известными национальными неправительственными организациями, занимающимися правами женщин и правами человека, которые играют важную роль в судебных разбирательствах по делам, касающимся прав человека.

6.15 В письме от 27 января 2017 года авторы заявляют, что социальный работник в Вантаа отметила, что ее профессиональная оценка тревожного поведения Й.М. и необходимости защиты М.М., К.М. и С.М. были проигнорированы, несмотря на то, что она подала несколько уведомлений. По ее мнению, Хакунилский отдел по защите детей проигнорировал установленную процедуру по причине инвалидности родителей.

6.16 Поскольку правовая система государства-участника основана на дуалистической модели применения международного права, нормы в области прав человека должны быть отражены в национальном законодательстве и практике Финляндии, с тем чтобы жертвы могли напрямую ссылаться на них внутри страны.

6.17 Что касается промежутка времени между событиями на национальном уровне (включая внутреннее уголовное разбирательство по делу об убийствах) и представлением настоящего сообщения, то авторы отмечают, что в критериях приемлемости Факультативного протокола нет никаких требований по срокам.

Дополнительная информация, представленная сторонами

7.1 В вербальной ноте от 30 мая 2018 года государство-участник повторило свои предыдущие замечания и указало, что, несмотря на полученную доверенность, исследовательницы называют Р.Р. и М.Р. просто «заинтересованными сторонами». Оно оспаривает подход к этому сообщению как к «народной жалобе» и повторяет, что исследовательницы не являются жертвами каких-либо нарушений, предусмотренных Конвенцией. Поэтому сообщение является несовместимым с персональным иммунитетом и неприемлемым в соответствии со статьей 4 Факультативного протокола. Оно может также представлять собой

¹⁴ Авторы ссылаются на правовую практику Комитета в отношении важности наличия всеобъемлющей стратегии предупреждения и искоренения насилия в отношении женщин. См., например, сообщение «Гонсалес Кареньо против Испании» (CEDAW/C/58/D/47/2012) и сообщение «Йилдирим против Австрии» (CEDAW/C/39/D/6/2005).

злоупотребление правом на представление сообщения. Государство-участник также вновь заявляет, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были.

7.2 По существу сообщения государство-участник утверждает, что если на карту поставлено благополучие ребенка, то, в соответствии с Законом об охране детства, государственные органы обязаны принять меры. Вопреки утверждениям авторов, государственные органы приняли широкий круг мер по сокращению масштабов насилия в отношении женщин при полном соблюдении принципа должной осмотрительности, развитию услуг для жертв и улучшению сотрудничества между различными органами власти.

7.3 20 августа 2018 года авторы вновь заявили, что власти государства-участника не предприняли никаких действий в соответствии с требованием о проявлении должной осмотрительности, как за несколько лет до убийства жертв, так и в день феминцидов. Они уточняют, что действуют от имени М.М., К.М. и С.М., а Р.Р. и М.Р. именуются «заинтересованными сторонами». Авторы утверждают, что в 2016 году был создан комитет, имеющий благие намерения, но не обладающий достаточными независимыми полномочиями и весьма ограниченными ресурсами для борьбы с насилием в отношении женщин. Наконец, авторы напоминают о своих предыдущих замечаниях о статусе Конвенции на национальном уровне.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения

8.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу. Согласно пункту 4 правила 72 Комитет должен решить этот вопрос до рассмотрения существа сообщения.

8.2 Что касается статьи 2 Факультативного протокола, то Комитет отмечает, что государство-участник высказывает предварительное возражение в отношении правового статуса авторов сообщения. Комитет далее отмечает, что авторы не могли получить согласие М.М. в связи с ее смертью. Однако родители М.М., Р.Р. и М.Р., которые являются ближайшими родственниками, от которых авторы могли бы надлежащим образом получить согласие, уполномочили авторов действовать от их имени. Комитет считает, что в данном случае авторы имели надлежащие основания действовать от имени М.М. без ее прямого согласия, поскольку они получили согласие ее родителей. Ссылаясь на пункт 2 правила 68 своих правил процедуры, учитывая, что в тех случаях, когда автор может обосновать такие действия, сообщения могут представляться от имени предполагаемой жертвы без ее согласия, Комитет напоминает, что сообщения могут представляться не только предполагаемыми жертвами, но и, когда это оправдано, их представителями без явно выраженного согласия жертв. С учетом конкретных обстоятельств настоящего дела Комитет приходит к выводу о том, что статья 2 Факультативного протокола не запрещает ему рассматривать настоящее сообщение.

8.3 Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола он не вправе рассматривать сообщение до тех пор, пока не удостоверится в том, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны либо что применение таких средств защиты является неоправданным затянутым или вряд ли принесет искомый результат. В этой связи Комитет принимает к сведению утверждение авторов об отсутствии эффективных внутренних средств правовой защиты, имевшихся в распоряжении жертв

или авторов в отношении утверждений, касающихся многолетнего гендерного и семейно-бытового насилия, которое привело к гибели жертв. Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что М.М. юридически правомочна принимать решения в отношении себя; что ее диагностированная интеллектуальная инвалидность не ограничивает ее правоспособность; что пока она и ее дочери находились в приюте, М.М. была предложена поддержка и помощь, с тем чтобы она могла жить самостоятельно и заботиться о своих детях; что ее поощряли и поддерживали, с тем чтобы она могла уйти от Й.М.; и что после того, как она решила вернуться к Й.М., ее проконсультировали о том, как действовать в случае каких-либо проблем дома.

8.4 Комитет далее принимает к сведению замечание государства-участника о том, что ни жертвы, ни Р.Р., ни М.Р. не обращались с какими-либо жалобами, связанными с гендерной дискриминацией, в национальные властные органы или суды до подачи жалобы в Комитет. Государство-участник также заявило, что Р.Р. и М.Р. были допущены в суд в качестве потерпевших сторон, их требования о компенсации были тщательно рассмотрены окружным судом, и они могли бы подать апелляцию в Апелляционный суд и Верховный суд, но не сделали этого. Кроме того, Р.Р. и М.Р. не возбуждали других уголовных или административных дел в отношении сотрудников полиции или социальных работников, занимающихся этим делом, и поэтому действия властей не рассматривались национальным судом или апелляционным органом. Комитет также принимает к сведению замечание государства-участника о том, что в контексте уголовного расследования жалобы от 5 октября 2011 года, касающейся случаев сексуального надругательства над ребенком, стороны и свидетели были оперативно допрошены, расследование было проведено в разумные сроки, а решающее влияние на его ход оказал тот факт, что истицы и их мать скончались 21 декабря 2011 года.

8.5 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола авторы должны использовать все доступные им средства правовой защиты во внутренней правовой системе. Он также ссылается на свою правовую практику, в соответствии с которой авторы должны были выдвинуть по существу на национальном уровне все те обвинения, которые они хотели бы представить Комитету¹⁵, с тем чтобы дать национальным властям и судам возможность исправить ситуацию¹⁶.

8.6 Комитет считает, что с учетом обстоятельств данного дела властям государства-участника не была предоставлена возможность рассмотреть утверждения авторов о косвенной гендерной дискриминации и гендерном насилии, которые лежат в основе настоящего сообщения Комитету, что лишает их возможности оценить эти утверждения. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что настоящее сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола.

8.7 В свете этого вывода Комитет постановляет не рассматривать никакие другие основания для признания неприемлемости.

9. В силу вышеизложенного Комитет постановляет:

- а) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола;
- б) довести настоящее решение до сведения государства-участника и авторов сообщения.

¹⁵ «Кайхан против Турции» (A/61/38, часть первая, приложение I).

¹⁶ «Н.С.Ф. против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» (CEDAW/C/38/D/10/2005).